

© 1993 г. КРЫСЬКО В.Б.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОГО НОМИНАТИВА НА -е

Мы давно стоим в недоумении перед вѣдале Варламе Хутынской вкладной XII в. и другими однородными формами им. ед.ч. муж.р. и причастиями ед.ч. муж.р. на *лъ*.

А.И. Соболевский [1].

Древненовгородская флексия именительного падежа¹ ед. числа мужского рода **о*-склонения -*е* вот уже более ста лет привлекает пристальное внимание лингвистов (см. [2, с. 42—49; 3]). Не имея возможности проанализировать здесь многочисленные гипотезы о ее происхождении и подробно обосновать собственную точку зрения, попытаемся все же вкратце изложить наше представление об истории данной формы.

Еще М.А. Колосов предположил, что номинативы на -*е* "явились" из форм на -*о* [4, с. 2—3]. Действительно, окончание -*о* было закономерным рефлексом индоевропейского *-*os*, возникшим в результате праславянской утраты конечных согласных (**golsos* > **golso*). Реликты ИП на -*о* среди существительных муж. рода наблюдаются прежде всего в кругу общеславянских по происхождению гипокористических имен собственных с суф. -ък(*о*) и -хън(*о*) (*Вячько*, *Лахъно*), а также в апеллятивах типа *батько*, *дядько*, обнаруживающих все признаки муж. морфологического и грамматического рода, в частности, различие ИП и ВП ед.ч. и согласование с родоизменяемыми частями речи по мужскому роду. Сохранение архаичного окончания именно в этих существительных объясняется, думается, стремлением к формальному отграничению их от неличных обозначений, образованных с помощью тех же суффиксов (ср. *въльчкъ*—*Въльчко*). Кроме того, в ряде славянских языков и диалектов, и особенно в псковско-новгородских говорах, окончание -*о* широко используется в топонимах типа *Славно*, *Камно*, *Изборско*, *Волхово*, *Псково*. В письменную эпоху большая часть этих названий выступает как neutra (ср.: по 4 дни *Волхово шьло* возводь ЛА, 205; *Полотьско* погорѣ все ППЛ, 45) — чему, несомненно, способствуют наличие флексии -*о*, омонимичной окончанию ср. рода, и родовая индифферентность подобных слов. Однако постоянно фиксируемая в текстах вариативность флексий -*о* и -ъ дает веские основания сопоставить указанные топонимы с антропонимами типа польск. *Janko*—*Janek*, отражающими исторически последовательные стадии флексийного оформления Nom. sg. masc. **о*-склонения. Вытеснение форм на -*о*, присущих славянскому северо-западу, осуществилось в новгородских и псковских памятниках в XV—XVII вв., прежде всего, очевидно, под воздействием северо-восточных говоров и стандартного древнерусского языка, ср.: в *Видбескъ* — в *Полотьско* ППЛ, 45; въ *Псково* — на *Плесковъ* — на *Псковъ* ЛА, 66.

¹ Далее в статье используются сокращенные обозначения падежей: ИП — именительный, РП — родительный, ВП — винительный.

О более широком распространении окончания *-o* в новгородско-псковском ареале в дописменный период свидетельствуют, на наш взгляд, также прибалтийско-финские заимствования, которые демонстрируют ауслаутный [a] (в принципе регулярно соответствующий славянскому [o], см. [5]) на месте общерусской (и общеславянской) флексии *-ъ* (см. [6]); правомерно предположить, что в ту эпоху, когда проходил процесс заимствования, диалектным северно-кривичским (а может быть, и общеславянским) окончанием муж. рода являлось именно *-o* (т.е. фин. *lina* < слав. **lino*).

В мягком варианте **o*-склонения естественным вариантом *-o* после палатального согласного был *-e* (**krajos* > **kraje*). Тем самым номинативные флексии муж. и ср. родов (**pol'e*) в **jo*-основах изначально совпадали, что не могло не повлечь за собой раннего варьирования исконного *-e* и вторичного *-ъ*, вероятно, обязанного своим возникновением влиянию И-ВП **i*-склонения и ВП **и-* и **o*-склонений. В новгородских и псковских памятниках окончание *-e* в мягкой разновидности засвидетельствовано лишь единичными примерами (моуже РПр, 617в; муже ЛА, 268; *дохре* ПАП, 195; Коровь Яковицѣ НВЛ, 177; *роубле* [переправлено на *роубль*] НГБ № 162 [7, с. 295] и некот. др.). Однако в условиях унификации твердых и мягких вариантов склонения и спряжения по "мягкому" образцу, весьма рано начавшейся в древненовгородском диалекте и отраженной уже в древнейших берестяных грамотах, флексия **jo*-склонения *-e* была, подобно окончанию *-ѣ* в РП ед.ч. и И-ВП мн.ч. **jā*-основ или локативному окончанию **jo*-основ *-и*, перенесена в твердый вариант склонения. Такое развитие полностью соответствовало общей тенденции к устранению морфологических корреспонденций в сходных парадигмах: как установила М.В. Шульга, "говоры, в которых унификация разновидностей в формах с корреспонденциями *ы—ѣ* и *ѣ—и* проведена в целом более последовательно, ... повсеместно отражают унифицированные флексии и в формах с исторической корреспонденцией *о—е*" [8]. Поскольку экспансия флексий мягкого варианта представляет собой характерную черту западноновгородских (кривичских) говоров (ср. [9, с. 172]), резонно было бы, по нашему мнению, считать распространение генетически западноновгородской флексии *-e* одним из проявлений указанной экспансии.

Важнейшей системной предпосылкой к обобщению *-e* в номинативе муж. рода **o*-склонения являлась, по всей видимости, необходимость в формальном разграничении мужского и среднего родов, совпавших в результате праславянских фонетических изменений конца слова в своей исходной форме — ИП, ср. **nebo* — **golso*. Введение флексии *-e* полностью устраняло родовую омонимию в твердом варианте, так как дифференцировало новые формы типа **golse* (с сохранением твердости согласного в исходе основы) не только от **o*-нейтра, но и от **jo*-нейтра, характеризовавшихся мягкой основой. Неудивительно, что новое окончание распространилось на все masculina **o*-склонения, т.е. существительные и согласующиеся (либо координируемые) с ними местоимения, прилагательные и причастия — за исключением топонимов на *-o*, которые, очевидно, были переосмыслены как нейтра еще до описываемого изменения.

Исключительная значимость ИП как основной падежной формы обусловила длительное и устойчивое употребление флексии *-e* в псковско-новгородских говорах: исследования А.А. Зализняка показали, что номинатив на *-e*, выступающий как "самая яркая морфологическая особенность древненовгородского диалекта", преобладает в берестяных грамотах на протяжении XI—XV вв. [9, с. 169].

Однако за пределами берестяных грамот подобные формы фиксировались до сих пор весьма эпизодически: в фундаментальной работе А.А. Зализняка материал пергаменных памятников проиллюстрирован 37 примерами [7, с. 132—

133]. Для восстановления более адекватной картины функционирования *-е*-форм в новгородской и псковской письменности представляется необходимым, не увеличивая и без того обширный список антропонимов с *-е*, отмеченных во многих текстах², несколько дополнить данные по **о*-основным именам других категорий.

Прежде всего желательно вновь ввести в научный оборот важные примеры из церковно-книжных источников, обнаруженные А.И. Соболевским и А.А. Шахматовым, но не учитывавшиеся в позднейших работах: *блзнь не х[о]тию написане. нъ дияволею пакост[и]ю* (Пантелеймоново евангелие XII—XIII вв., 224, запись [10, с. 22]); *переплѣтале* книги си Ереми дьякъ и поволочи(л) (Сборник богослужебный XIII в., 98об, запись XIV—XV вв. [10, с. 59]) (ср. [11]); в "Вопросах Кирика" по списку Новгородской Кормчей 1282 г.: *Аще кто верне есть 521в; где есть кр(с)тъ ч(с)ныи... не доише Ц(с)ря гра(д). егда обрѣтене. възнеслѣся на нб(с)а 523а* [2, с. 40; 12]; в "Пандектах Никона Черногорца" 1296 г.: *вѣрныи вѣ малѣ и вѣ мнозѣ вѣренѣ* есть 23; *фарисѣи тѣ* величашеся гл҃я 103³; в записи XIII—XIV (XVI?) вв. к октябрьской Минее 1096 г.: *Якиме писале 1об* [13, с. 47] (ср. [14, с. 33]).

Еще два примера ИП на *-е* у местоимений А.И. Соболевской и А.А. Шахматов усматривали в так называемом "Нибуровом мире" 1392 г.: *тѣ* [2, с. 40] и *тѣи* [13, с. 47]. Действительно, интересующие нас формы занимают в предложении синтаксически обособленную позицию и с достаточным основанием могут быть определены как именительный темы: *тѣ* товаръ что в Ругодивѣ порубилѣ. и противъ того товара полѣле [так!] Новѣгородъ взяти товаръ свои брѣтѣи... *тѣи* товаръ. что в Ругодивѣ порублене у новгородѣкихъ купецѣв... а то Новѣгородъ. увѣдаеся. с ругодивѣци. кто у ихъ товаръ поимале (цитируется по фотокопии списка, хранящегося в Центральном историческом архиве Латвии; ср. ГВНП № 46). Структурное сходство приведенных предложений с конструкциями типа: *А что грамата опасная... а то есме отдалѣ Новугороду* ГВНП № 46; *а вытоле, того изловили НГБ № 600* [7, с. 129] — позволяет считать, что ИП на *-е* (в членной форме местоимения — *теи*) был бы здесь вполне правомерен. С чисто формальной точки зрения *те* и *теи* являются регулярными соответствиями общеславянских форм *тъ* и *тъ-ѣ*, к тому же существование номинатива *те* в псковско-новгородском ареале недвусмысленно доказывается формой *те* роздѣля ПГ № 5 (ср. *тот* роздѣль ПГ № 6). Что касается параллельного использования местоимений с флексией *-е* и существительного *товаръ* с флексией *-ѣ*, то на фоне варьирования этих окончаний, свойственного всем спискам анализируемой грамоты, подобное употребление не кажется аномальным (ср.: *посаднике* — *посадникъ, дворъ ихъ погоорѣле* [так!]). Вместе с тем графическое выражение формы *тѣ* в ГВНП № 46 препятствует столь однозначной интерпретации. Обращает на себя внимание тот факт, что список Рижского архива постоянно передает диалектную флексию *-е* буквой *е*: *посаднике* (2 раза), *порублене, поимале, полѣле* (вм. *повелѣле?*), *погоорѣле, товаре*, и в этом отношении вариант *тѣ* остается непонятным исключением. В сопоставлении же с написаниями *се* сторонѣ "сей (РП)", *то* грамотѣ опасной "той (РП)", передающими утрату конечного [j], данную форму (в отличие от *те* в ПГ № 5) с большей вероятностью можно квалифицировать не как номинатив

² Из 229 частных грамот Великого Новгорода и 18 псковских грамот, напечатанных в ГВНП, *-е*-формы личных имен и отчеств наблюдаются в 70, а преобладают в 14; в 35 грамотах, опубликованных в ПГ, соотношение *-е*- и *-ѣ*-форм в антропонимах составляет 29:34.

³ По-видимому, написание *-ѣ* во флексиях отражает здесь контаминацию *-ѣ*, присутствовавшего в протографе (*вѣренѣ, тѣ*), и *-е*, свойственного говору писца-новгородца.

на -е, а как отражение известного диалектного фонетического изменения [-ѣ] > [-ej] [15] (возможно, через ступень [-ѣj], с последующей утратой [j] (*тыи* > *тѣи* > *тѣ*, ср. также *сочке*, *сочкѣ* "сотский" ПГ № 9).

Опубликованный до настоящего времени материал по формам ИП на -е показал, что писцы пергаменных грамот, причем не только частных, но и государственных, отнюдь не избегали диалектных флексий. Подтверждением широкой употребительности -е в деловых текстах служит новый материал новгородских и псковских грамот XIV—XV вв., дошедших до нас преимущественно в списках XVII в. Рассматриваемое окончание засвидетельствовано практически во всех грамматических классах *о-основных имен — у существительных: *господине* ГВНП № 89, *псковитинѣ* Валк, *ободе* "граница земельного владения, участок земли" АЕ-57 № 8, ПГ № 27, 28, *дворя* ПГ № 33, *плаве* "болотистое место" ПГ № 5, *дряне* ПГ № 23 (е исправлено на ѣ, ср. более распространенное *дрянь* "топкое место, низина"), *раздѣля* "раздел" ПГ № 5; местоимений: *те* *раздѣля* ПГ № 5 (в ПГ № 11 позднейший переписчик, ориентируясь, видимо, на флексию -я, заменил местоимение муж. рода женским: *та* *розделя*); именных прилагательных: *мертвь* ГВНП № 106 (со смешением е и ѣ), *мертве* (2 раза) Валк, *Воинилова* *зеребѣи* и *Сополеве*, *Ратборчева* *жеребѣи* ПГ № 2; причастий на -а-: Данила грамоту *о(т)везле* Хрест. № 39; *наставиле* подвоискии ГВНП № 279, возможно, также *взяле* ГВНП № 279, если это не мн.ч. на -ѣ (А *взяле* Азика съ своею братьею, ср. [16]), *запродале* (2 раза), *заложили* ГВНП № 121 (ср. там же мн.ч. на -и: *поимали*, *были*). Дополнительные примеры из ПГ любезно сообщил нам А.А. Зализняк: *медовеи осп.ровка* 11; *межа ему ручеише* 28⁴.

Весьма насыщен -е-формами список убытков новгородцев начала XV в., содержащий также ряд других ярких диалектизмов (впрочем, нередко -е ед.ч. смешивается с -ѣ мн.ч.), ср.: и Левонтьике своею дружиною. на торгу оу насъ розбоиника о(т)нелѣ. а насъ *побиле* и *подрале*... да насъ. въ клѣтъку всадилѣ. и потомъ насъ изъ клѣткѣ. купецъ. *выручилѣ*. новгородскѣи. и *веглѣ* насъ на городо(к) кѣ Зумберю хотячи исправѣ по хрѣстно(м). челованью. и Зуберь... насъ не судиле... и Зумберъ на насъ. *взяле* с Левонтьико(м). тыся(ч) бѣл(к)ѣ... а Иване оу на(с). Глазетѣи *взяле*. пятьдеся(т). бѣлѣ... а зумусъ [так!] *порубиле* Зумберъ .і новгородцевѣ. а *взяле* оу ни(х). бочку шевницѣ... АЕ-63, 275—276 (ср. там же: и животъ. ог(с)да нашъ *вохѣ* поималѣ 276)⁵.

Углубленного анализа требуют еще некоторые формы из псковских грамот, очевидно, искаженные писцами и вследствие этого неверно истолкованные издателями ГВНП и ПГ. Так, в ГВНП № 342 представлена странная форма у *попenea*, находящаяся в ряду однородных существительных — названий владений: Се купице Филипе *попѣ*... землю, очину ихъ... и дѣдину ихъ, и у *попenea*, и дворище, и вода в реке. С другой стороны, в ПГ № 4 зафиксирована форма у *пожен*: А взяся Мелемьяне у попа оклад у *пожен* над Черневою нивою. Сопоставление этих форм с существительным *упожей* (*упоже*), дважды фигурирующим (во мн.ч.) в "Актах хозяйства боярина Морозова" (I, 76—77, 1667 г. —

⁴ Форма *пастке* ПГ № 7, оставшаяся непонятной издателю, не отраженная в Сл XI—XVII и внешне напоминающая ИП ед.ч. на -е типа *ручеише*, на самом деле представляет собой, как мы полагаем, ИП мн.ч. (*пасткѣ*) существительного *пастка*, производного от *пасть* "ловушка, западня" (ГВНП № 121, см. Сл XI—XVII, 14, 168), ср. *пасть* "ловушка для рябчиков и куропаток" (Кулик., 78), "ловушка на медведей и кабанов" (сибир. — ДООВС, 173), *пастка* "мышеловка" (смолен. — там же), *пасточка* "ловушка" (Будто заюшка во *пасточки* — Барсов, Причитанья северного края, II, 80 [КДРС]).

⁵ О слитном написании форм типа *оѣа* см. [17].

КДРС): *бортные упожы, бортные упожыя* — побуждает предположить, что во всех четырех случаях мы имеем дело с не засвидетельствованным в словарях словом *упоженъ* (или, может быть, *упоженъ*), контаминировавшимся в XVII в. с широко употребительным существительным *ухожей* (*ухокай, ухожье, ухожень*), которое выражало множество значений, в частности, "угодье", "место для бортей", "лесной участок", "нивка или покос в лесу". Поскольку в меновой грамоте (ПГ № 4) речь идет об обмене нивами, форму *упожен* можно считать приложением к слову *оклад* "участок земли", поясняющим, что обменивается конкретный участок — видимо, в лесу. Следовательно, *упопеня* в ГВНП № 342 — это, скорее всего, искаженный номинатив *упож(е)ня*, соответствующий аккузативной форме *упожен* в ПГ № 4 и закономерно выступающий при перечислении (ср. далее *вода*). Не исключено, что то же самое существительное, до неузнаваемости измененное под пером переписчика через триста лет после написания подлинного документа, было представлено и в оригинале ПГ № 6: взясь Захария... оклад... *отпочня* [в изд. — *от почня*], а нивка по зари. В свою очередь, обособленный оборот *а нивка по зари* (т.е. *по заорѣ* "до оврагов") с бесспорным номинативом на -а позволяет предложить новую интерпретацию для формы *отполя* (А болоту межа по Лучскую межу да Подграмский путь, а то черньцемъ двѣ части, а Жаваранку с сябры третья часть, *а отполя по зари* ГВНП № 345). В издании она напечатана с разбиением на предлог *от* и существительное в РП *поля*, однако при таком понимании остается неясным подлежащее данного предложения, между тем как во всех остальных структурах с обстоятельством *по заорѣ* и под., встречающихся в грамотах, подлежащее присутствует, ср.: *А межа тои пожни от броду по заорѣ* ПГ № 13; *межа ямами и каменемъ до заоре* ПГ № 28. С точки зрения синтаксиса наиболее правдоподобно трактовать *отполя* как диалектную форму ИП существительного *отполь*. Для определения его семантики, по-видимому, имеют значение следующие примеры из псковской письменности и из говоров: *отпольная сторона* — "обращенная к полю, на поле" (Даль, II, 746); *опольная земля* (Псковская судная грамота) — "находящаяся вне полей"; яросл. *ополок* "лужок за полями, к лесу" [18].

Показательно, что диалектное окончание ИП неоднократно встречается в бытовых записях писцов на полях рукописей, содержащих богослужебные тексты и в целом свободных от подобных диалектизмов. Помимо контекстов, опубликованных А.И. Соболевским и А.А. Шахматовым, здесь можно привести также фрагмент из обширной записи пономаря Тимофея в "Лобковском прологе" 1262 или 1282 г.: а ци кто *хытрѣ* полѣ. или дьякъ почнетъ цисти книгѣ зия Прл, 148об. Яркие примеры форм на -е (-я) отмечены в приписках к псковским рукописям, хранящимся в ЦГАДА (фонд Син. тип.): Лоука *навониле мѣ<не?>* издбу — Паремейник 1313 г. (№ 61), 43; поиде *попе* за рекоу — Пролог на март—август, 1-я пол. XIV в. (№ 174), 24; се порядисяша Еванѣ. съ Савою что беть (?) Сава. *поцеля* гневается — Пролог на март—август (№ 179), 140 (запись XIV в.); канунъ Михайлува дни снигъ *паля* — Миней служебная декабрьская (№ 97), 1 (запись XIV—XV вв.); *Смене* писанъ <вм. писалъ?> параклить, *паралите* писан — Параклитик (№ 81), 105об (запись XV—XVI вв.) [14, с. 127, 264, 260, 101, 210].

Вполне естественно, что -е-формы от имен нарицательных и -л-причастий нашли отражение в новгородской эпиграфике: Моисей пс<ал> *поповце* (XII в.), Славоне *дѣлале* (XII в.), Саве со мною *иле* ис торгу *биле* мене (XIV/XV в.), *писале* Василѣ(и) (XIV в.) [19].

Среди берестяных грамот не идентифицированные ранее формы на -е пред-

ставлены, по нашему мнению, в НГБ № 528. Ряд особенностей, указывающих на псковское происхождение этого текста (*с* вместо *ш* в *стобы* и *слоу*, отвердение [л'] в *слоу*, ср. [20]), позволяют усматривать характерное псковское яканье в именах *ИевьяА*, *СтопанА*, *ЯковА*, где -А соответствует новгородскому -е, ср. *Филипя попя* ГВНП № 343, *Яковя*, *Радивоня* ПГ № 19. Интерпретация формы *Иевья* как ИП проясняет использование *ь* в суффиксе: на наш взгляд, он обязан своим появлением не смешению *ъ* и *ь*, а ассимиляции [вк'] > [в'к']; тем самым и написание *поклонь* передает не смешение редуцированных, а смешение *е* с *ь*, ср. *тьбь*, <doc>*нѣле* (где *ь* переправлено на *е*). Автор грамоты, весьма нетвердый в письме, начал было писать окончание -А и в форме *продАле*, но, недописав, заменил псковский диалектизм новгородским -е, которое, очевидно, относилось к более высокому "пласту в системе языковой коммуникации" [21]. По-видимому, именно предвосхищением флексиионного -А объясняется ошибочный А в корне этого слова.

В НГБ № 520, являющейся черновиком завещания, имеются написания, которые также, возможно, отражают ИП на -е. Учитывая, что в грамотах №519 и 520, образующих один блок, смешение *ъ* и *ь* отмечено лишь после *м* во флексиях (при своемъ, дѣтемъ, за попъмъ), тогда как *ь* и *е*, *е* и *ѣ* смешиваются неоднократно (трѣть — треть, будѣть, Скутовеская, РП Николѣ — бѣе), подобное истолкование допустимо предложить для слов *игумень* и *душевнѣ*, а также, может быть, и для слова *дворѣ* [так!], в котором последняя буква не похожа ни на один из еров в обеих грамотах (верхняя перекиладина пересекает мачту вправо) и больше напоминает перечеркнутый сверху ерь.

Более ограниченно использование диалектной флексии в церковно-книжных, литературно-повествовательных и летописных источниках, ориентированных на нормы стандартного древнерусского языка. Будучи лишь редкими вкраплениями в нормализованный текст, эти примеры с несомненностью свидетельствуют о том, что живой говор писца оказывал влияние и на язык памятников, казалось бы, чуждых диалектной стихии.

Так, в уже упоминавшемся "Лобковском прологе" зафиксирован оборот: двѣца тако к немоу о(т)вѣща. *оканье* и *лишене* боуди яко ся еси бѣ не боялъ ни ангель его ПрЛ, 40а—б, — в котором наличие формы повелительного наклонения в роли связки исключает вокативную трактовку имен.

В "Повести об Акире Премудром" по новгородскому списку XV в. наблюдаются следующие формы: *лживѣ* члѣкъ ПАП, 37; азъ *оумене* [вар. *оумень*] есть [так!] 41; возможно, флексия -е подразумевается и в написании: был ми еси *як(о) птенць* 223.

До сих пор не получила удовлетворительного истолкования форма *печье*, представленная в Синодальном списке Новгородской первой летописи под 1217 г. и интерпретировавшаяся как наречие "жарко" (Срезн., II, 929; Сл XI—XVII, 15, 40) либо как прилагательное [22]. Между тем это слово находится в контексте, идентичном неоднократно цитировавшемуся *загоре ся Савѣкине дворе* ЛН, 53об. и содержащем другой номинатив на -е — *вхе*: Тои (ж) веснѣ загорѣ ся м(с)ця маия. въ .лѣ. о(т) Ивана о(т) Ярышевиця. въ середѣ оутра. *печье*. и погорѣ до оудьния *вхе* полъ ЛН, 87об. Существенно, что в Академическом списке XV в., регулярно устраняющем -е-формы Синодального списка (за исключением имени *Внездѣ* под 1191 г.), рассматриваемый контекст передан следующим образом: Тои же веснѣ загорѣся мѣсяца маия въ 31 день от Иоанна Ярошевича полъ утра *печень* ся загорѣ до уденья вель [так!] полъ погорѣ НЛЛ, 258. Поскольку форма *печень* явно исключает наречное толкование, а клитика *ся*, в соответствии с законом Вакернагеля, ставится после первой акцентно самостоятельной

словоформы в синтагме, естественно заключить, что *печень ся загорѣ* представляет собой единое предложение, где *печень* является подлежащим, *ся загорѣ* — сказуемым. Иначе говоря, в Синодальном списке о пожаре сообщает сложносочиненное предложение с союзной связью между двумя частями, причем в обеих частях сказуемые вынесены в начало, а подлежащие — в конец предложения (*загорѣ ся... печьне и погорѣ... вхѣ полѣ*), в Академическом списке та же информация передается тремя предложениями с бессоюзной связью: первое — безличное (*загорѣся*), а во втором и третьем подлежащие непосредственно предшествуют сказуемым (*печень ся загорѣ; вель полѣ погорѣ*). Остается выяснить значение анализируемого слова. Хотя абсолютно идентичные формы не отмечены ни в памятниках, ни в говорах, ряд родственных слов позволяет с большой степенью вероятности реконструировать его семантику. Так, в Геннадиевской Библии 1499 г. упоминается *столпъ печеныш* (Неем. XII, 38); в Вульгате, с которой был осуществлен перевод этой книги, фигурирует *turris furnorum* (Сл. XI—XVII, 15, 38) — т.е., буквально, "башня хлебопекарных печей" (в синодальном переводе — Печная башня). В.И. Даль (III, 109) фиксирует слово *печня́* "стряпная, поварская, поварня, кухня, землянка для варева", а в псковских говорах засвидетельствовано ласкательное *пѣченка* "печь, печка" (СРНГ, 26, 347). В "Житии Феодосия Печерского" представлена *неищъница* "пекарня" (Срезн., II, 930). Итак, по всей видимости, *печьне* Синодального списка НЛ — это существительное мужского рода со значением "пекарня, кухня" (ср. сходные контексты в ЛА: *загорѣся дворъ Васильевъ Козинъ отъ поварнѣ* 211; *пожаръ бысть на Десятинѣ отъ поварнѣ* 218). Наличие в древнерусском и других славянских языках ряда отглагольных существительных с предметным значением на *-ьнѣ* типа *опашьнѣ, захабьнѣ, охабьнѣ, скважьнѣ, сквожьнѣ, препоясьнѣ* дает некоторые основания предположить, что в исследуемом случае мы имеем дело не с субстантивированным прилагательным на *-ьнѣ* (ср. [23]), а с девербальным существительным мягкой разновидности **о*-склонения *печьнь*, морфологически вариантным по отношению к *печня* и образованным по тому же словобразовательному типу, что и приведенные выше дериваты; при таком истолковании *-ѣ*-форма Академического списка может быть расценена как результат механической замены диалектного *-е* на *-ѣ*, вполне вероятной для гапакса, возможно, уже непонятного писцу XV в.

В позднем (второй половины XVI в.) Троицком списке Новгородской первой летописи в известном летописном рассказе о мести Ольги воевода Свенельд охарактеризован как *тот же оче Мъстишенъ* НЛ, 517. Несмотря на всю необычность формы *оче* (vs. *отець* в Комиссионном, *отецъ* в Толстовском списках) в тексте, почти лишенном морфологических примет древненовгородского диалекта (ср., впрочем: поймше мало *дружине* 518), трудно интерпретировать ее иначе, как реликт номинатива на *-е*, присутствовавшего в протографе. К сожалению, в НГБ именительный падеж от существительного *отыць* встретился лишь дважды: в грамоте № 9, не отражающей никаких диалектных особенностей (*отыць*), и грамоте № 520, где традиционное сокращенное написание *ойць* не позволяет восстановить живое произношение. Однако с учетом форм *Нездильце, Колбинць* [7, с.133] и *поповце* (см. выше) наличие номинатива *отыце* в древненовгородском диалекте представляется весьма вероятным, а написание *о<ть>че* может быть объяснено либо как следствие смешения аффрикат, либо как результат позднейшего уподобления ИП на *-е* форме вокатива.

Несколько не зарегистрированных до сих пор примеров ИП на *-е* отмечено нами в Ипатьевском списке летописи, написанном, как известно, в Северной

Руси. Наряду с большим количеством явных новгородизмов (постоянное отражение цоканья, флексия - *ѣ* в И-ВП мн.ч. твердых **о*- и **ѧ*-основ и в РП ед.ч. **ѧ*-склонения, РП *осмога* ЛИ, 73, *милога* 245об. и др.) достаточно надежными представляются такие написания, как: вторыи же сборь. в Костянтинѣ гра(д)... *ѣ* · и же *сборѣ* въ Ефесѣ... · *ѣ* · и сборь. в Халкидонѣ 43 (буква *ѣ* переправлена в *ѣ*); *ре(ч)* Туки Чюдине бра(т) 63об. (ниже — Тюкы. Чюдинь бра(т) 74об.); *простѣ* бо бѣ е(м) поуть Корачевоу 123 об (в Хлебниковском и Погосинском списках — *простѣ*); *Тарголове* моужь. именемъ. Чилбоукъ 225. Весьма любопытен пример: понели ты еси старѣи *брате* 43; хотя в протографе, видимо, подразумевался вокатив, переписчик ЛИ исправил -*е* на -*ѣ*, что, скорее всего, указывает на восприятие им данной формы как требующего коррекции диалектного номинатива в роли именной части сказуемого.

Большой материал, частично опубликованный Н.М. Каринским [24], содержат псковские летописи: *върклся* ПЛ, 48; дворъ Артѣмьевъ *Воротове* ПЛ, 38, Котелно *городке* 42, немецкеи *городке* Колывань 44, морозе побил рожь 45, Полотско *городѣ* 46, *городке* Опочка 46, смерде 69; *върклся* ППЛ, 137, загорѣся... *дворѣ*, и бысть знои велике 177, Немецкыи дворе рѣчней згорѣ 185, чего онъ *просиле* 202, *Марфинѣ* сынъ 203, *велиле* 212, *повегле*, *свегле* 217. Весьма правдоподобно предположение Н.М. Каринского о том, что и написание *всь*, "вполне последовательно" соблюдаемое "в памятниках с особенно яркой диалектической окраской", отражало "произношение с гласным на конце" [24, с. 167—168].

В "Летописи Авраамки" — памятнике новгородского происхождения, демонстрирующем многочисленные приметы древненовгородского диалекта, помимо имени *Александре* ЛА, 149, уже отмеченного в литературе [25], зафиксирован также перфект на -*ле*: а хотя хто что *вынесле* на поле, или на огороды... то все огнемъ взялось 72 — и местоимение мужского рода *все*: а иконы, и книги и товаръ *все* въ церкви погорѣ 72 (менее вероятно, что *все* является обобщающим словом к предшествующим однородным членам, ср. выше ВП: товаръ *весь* пограбиха). Еще два примера перфекта на -*ле* обнаружены в третьей части ЛА, включающей юридический сборник; здесь, однако, контаминация флексии -*е* и окончания -*ѣ*, несомненно присутствовавшего в протографе (в завещании Владимира Святого и в Уставе великого князя Всеволода), привела к появлению написаний с - *ѣ*, омографичных характерным для ЛА - *лѣ*-формам мн.ч.: А се церковныя суды *далѣ есмь* 266 (выше — *далѣ есми*); Яко же *есмь* *установилѣ* 275 (ср., впрочем, замену *ѣ* на *е* в форме: 3 гривны *продаже* 279).

Таким образом, флексия Nom. sg. masc. -*е* представлена во всех жанровых разновидностях новгородско-псковской письменности XI—XVII вв., причем если в поздних списках с грамот сохранение данной формы можно было бы объяснить стремлением к точной передаче всех особенностей оригинала, то в приписках, надписях и летописных текстах среднерусского периода ее употребление явно отражает реальный речевой узу.

Исследованный А.А. Зализняком материал псковского разговорника Т. Фенне [7, с.133] показал, что в обиходной псковской речи нелексикализованное использование номинативов на -*е* сохранялось еще в начале XVII в. Для более поздних периодов фактически единственным источником, свидетельствующим о функционировании -*е*-форм в народно-разговорном языке, являются фольклорные и диалектные записи, до сих пор почти не привлекавшие внимания специалистов.

Между тем очевидно, что еще в прошлом веке в говорах и в фольклоре сохранялись довольно значительные реликты ИП на -*е*. Так, в "Онежских

былинах" А.Ф. Гильфердинга и "Северных сказках" Н.Е. Ончукова, наряду с именами собственными *Садкэ, Петре, Ивашке, Марке* [26], наблюдаются существительные *паробкя* ОБ, 560 (ср. [4, с. 207]), *воронкэ* 700, *бурке* 819, *дэдке* СС, 263—264, *каръке, буръке, соловке* (правда, только в функции обращения) 315—316, *клоп-краске, мышъ серке, воўк серке* 324—325 (ср. также обращение *буръкэ мой поворотистый* в былине — СРНГ, 3, 301). В олонецком говоре в конце XIX в. были зафиксированы формы *каръкэ* "карий конь" (Кулик., 34), *гнеткэ* "домовой" (СРНГ, 6, 241). Возможно, к древнему Nom. sg. masc. восходят лексикализованные формы ИП как муж., так и жен. родов — *батюшки, матушки*, которые, по некоторым сведениям, употреблялись на западном и южном берегах озера Ильмень [27, с. 10]. В псковских говорах, помимо хрестоматийной формы *псе* [28], были отмечены грамматикализованные прилагательные-сказуемые на -и < -е, ср.: лён *волокнусти*; собой *чисти*; Урадися, белый лён! // Бел, *вылакнисти*, // Сабой *гылависти* (Великолукский уезд) [29; 13, с. 49]. Перфект на -ле (-ля) в качестве живой, хотя и грамматикализованной формы еще в конце XIX—начале XX в. функционировал в некоторых гдовских говорах, в частности, сомринским [30]⁶, к числу особенностей которого принадлежит также переход ударного [а] в [о] и [о] в [а] (ср. в псковских памятниках: Колпиное — *Калпиное* ППЛ, 53; Поставиша церковь... *комену* — *камену* ПЛ, 23; на Камне ГВНП № 341 — на *Комне* ПГ № 3); *кань-то по полю побегля*; *Што дэлаетэ? — Рока жорим. — А где взэли? — Да сом прискоколя!*; *Ббэля, ббэля*, да и язык *заболэля*; *волк-бо под воротню залэзля-бо*, а *я взэля-бо* ево да *подворотней-бо*. Для данного говора, как и для говора селения Мда Гдовского уезда Псковской губернии [31], характерно обобщение архаичной флексии -е в муж. и жен. родах, ср.: Я в лесах *собироля* ягоды (очевидно, "собирала"); Соцыла, соцыла и не *наишлэ!* (Сомро); я *поиш'е* (в речи женщины) — *барин ушл'э* (Мда). Аналогичное влияние исконных мужских форм на женские отразилось, по-видимому, и в свадебной песне, записанной М.А. Колосовым в Каргополе: *Уговаривале-да* родной татенка, // *Уговаривале-да* рбдная сестрица [27, с. 151]. Завершающим этапом отмирания формы на -е как показателя ед.ч. masculina является объединение ее с рефлексом -ѣ во мн.ч. (ср. [32]). В современном диалектном языке — насколько позволяют судить имеющиеся словари и описания — номинатив на -е практически не встречается, и лишь в заонежских говорах засвидетельствованы единичные лексикализованные формы *дэдке* (о мужчине среднего и старшего возраста), *гнётке, максимке* (нечистые духи) [33], а в псковских — названия лошадей по масти: *бурке, воронкэ* (ПОС, 2, 218; 4, 157).

Исчезновение рассматриваемой флексии определялось, по нашему мнению, как внешними, так и внутренними причинами. С одной стороны, присоединение новгородских и псковских земель к Московскому государству ускорило процесс нивелировки диалектных различий, а местная деловая письменность еще в большей степени, нежели раньше, стала ориентироваться на общерусские нормы; в этих условиях закономерно постепенное сокращение употребления -е сначала в таких авторитетных текстах, как летописи (ср., например, данные Синодального и Академического списков НЛ), а затем и в грамотах. С другой стороны, даже в окраинных говорах, едва ли испытывавших сильное воздействие общерусских норм, уже в XIX в. использование -е-форм было в значительной степени лексикализовано либо грамматикализовано; это связано, думается, с утратой окончанием -е его важнейшей исконной функции — служить однознач-

⁶ Автор весьма признателен А.Н. Шаламовой за сообщение об этой публикации.

ным показателем Nom. sg. masc.: после фонологизации мягких согласных перед гласными переднего ряда в новгородских говорах произошло совпадение ИП **o*-masculina и **jo*-neutra, а в псковских говорах, развившихся яканье, — также **jā*-feminina (ср. исходное соотношение [дворе] — [мор'е] и его последующее изменение: [двор'е] — [мор'е] или [двор'а] — [мор'а] — [бур'а]). Это совпадение повлекло за собой родовое выравнивание согласуемых и координируемых форм (в частности, образование внеродовых перфектов типа *ушле*, распространенных и на средний род: солнце *померкле* ИПЛ, 17; пьянство до тюрьмы *довеле* [32, с. 343]) и, тем самым, разложение первоначальной морфологической системы имени в древненовгородском диалекте, характеризовавшейся, говоря словами А. Мейе, доминированием категории рода [34]. Лишившись своих былых грамматических преимуществ и не имея более никакой внутрисистемной поддержки, флексия *-e* неминуемо должна была уступить место нулевому окончанию, сменившему флексии *-ъ* и *-ь*, которые исконно существовали в новгородском диалекте как показатели ИП мужского рода **и*- и **и*-склонений, и в новых морфонологических условиях, бесспорно, более однозначно маркировавшему муж. род. Вполне понятно, что вытеснение архаичного окончания началось с существительных, так как именно в этом грамматическом классе имен *-e* всегда сосуществовало с *-ъ/-ь*, и позже всего затронуло гипокористики на *-ко* и *-л*-причастия, поскольку в этих группах имен флексия *-ъ* в древненовгородском диалекте не употреблялась никогда.

ИСТОЧНИКИ

- АЕ-57 — *Корецкий В.И.* Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // Археогр. ежегодник за 1957 год. М., 1958.
- АЕ-63 — *Хорошкевич А.Л.* Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. // Археогр. ежегодник за 1963 г. М., 1964.
- Валк — *Валк С.Н.* Новые грамоты о новгородо-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Ист. архив. 1956. № 1.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949.
- Даль — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.
- ДООВС — Дополнение к Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- КДРС — Картотека "Словаря русского языка XI—XVII вв." — хранится в Институте русского языка РАН (Москва).
- Кулик — *Куликовский Г.* Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- ЛА — Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полн. собр. русск. летописей. Т. 16. СПб., 1889.
- ЛИ — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1962.
- ЛН — Новгородская харатейная летопись. М., 1964.
- НГБ — Новгородские грамоты на бересте. М., 1953—1986.
- НЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- НПЛ — Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879.
- НVL — Новгородская пятая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 2. Вып. 1. Пг., 1917.
- ОБ — Онежские быliny, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873.
- ПАП — *Григорьев А.Д.* Повесть об Акире Премудром. М., 1913.
- ПГ — *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966.
- ПЛ, ППЛ, ППЛ — Псковские летописи. Вып. I—II. М.; Л., 1941—1955.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—8. Л., 1967—1990.
- ПрЛ — Пролог Лобковский, рукопись ГИМ, Хлуд., № 187 (цитируется по фотокопии).
- РПР — *Карский Е.Ф.* Русская правда по древнейшему списку. Л., 1930.
- Сл XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—17. М., 1975—1991.
- Срезн. — *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Т. I—III. М., 1989.

СРНГ — Словарь русских народных говоров Вып. 1—26 Л., 1965—1991

СС — Ончуков Н. Е. Северные сказки СПб., 1908

Хрест — Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка Ч. 1 М., 1952

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Соболевский А. Два слова о псковском говоре // РФВ. 1916. № 1—2. С. 139
- 2 Соболевский А. И. Исследования в области русской грамматики. Варшава, 1881
- 3 Vermer W. The mysterious North Russian nominative singular ending *-e* and the problem of the reflex of Proto-Indo-European * *os* in Slavic // Die Welt der Slaven. 1991. Bd. 36
- 4 Колосов М. А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878
- 5 Kiparsky V. Russische historische Grammatik. Bd. I. Heidelberg, 1963. S. 77
- 6 Николаев С. Л., Хелимский Е. А. Славянские (новгородско-псковские) заимствования в прибалтийско-финских языках *a* и *i* в рефлексах имен мужского рода // Uralo indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Ч. 1. М., 1990
- 7 Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.) Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.) М., 1986
- 8 Шульга М. В. Развитие морфологической системы имени в русском языке. Автореф. дис. докт. филол. наук. М., 1988. С. 11
- 9 Зализняк А. А. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988
- 10 Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953
- 11 Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 192
- 12 Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. VII // ИОРЯС. 1903. Т. VIII. С. 323
- 13 Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893
- 14 Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988
- 15 Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. Ч. I. СПб., 1903. С. 93
- 16 Николаева Т. М. К вопросу о генезисе так называемых "зловых" форм // Именное словообразование русского языка. Казань, 1976. С. 195
- 17 Зализняк А. А. **Ogospoditi* // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990
- 18 Потебня А. А. К истории звуков русского языка. IV. Варшава, 1883. С. 25—26
- 19 Рождественская Г. В. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI—XV вв. СПб., 1992. С. 64, 87, 95, 110
- 20 Колесов В. В. К характеристике исходной палатальности согласных в древнепсковском говоре // Псковские говоры. III. Псков, 1973. С. 10
- 21 Зализняк А. А. О языковой ситуации в древнем Новгороде // RLiing. 1987. V. 11. С. 131
- 22 Dietze J. Frequenzwörterbuch zur Synodalhandschrift der Ersten Novgoroder Chronik. Halle (Saale), 1977. S. 78
- 23 Stawski F. Zarys słowotwórstwa prastowiańskiego // Słownik prastowiański. T. 1. Wrocław etc., 1974. S. 138
- 24 Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909
- 25 Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С. 362
- 26 Obnorsky S. Die Form des Vokativs im Russischen // ZfslPh. 1924. Bd. I. S. 115
- 27 Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. СПб., 1877
- 28 Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. V. СПб., 1898. С. 150
- 29 Спенский М. Говор крестьян Марицельского прихода Великолуцкого уезда. Псковской губернии // Живая старина. 1891. Кн. III. С. 208—210
- 30 Кузнецов В. Сомринский говор // Живая старина. 1898. Кн. II. С. 235—236
- 31 Каринский Н. М. Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 г. // ЖМНП. 1916. Февраль. С. 234
- 32 Филин Ф. П. Об одном загадочном явлении в языке северных памятников древнерусской письменности // Prace filologiczne. 1964. T. XVIII. Z. 2. С. 342—345
- 33 Тер-Аванесова А. В. Акцентуация частной диалектной системы (говоры Заонежья). Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1990. С. 12
- 34 Meillet A. Le slave commun. P., 1965. P. 382